

БУКВАРЬ ИВАНА ФЕДОРОВА

² См.: В. С. Любимский, Судьба памятника и его значение в истории отечественного книгопечатания, ИАН ОЛЯ, 1955, вып. 5; Т. А. Быкова, Место «Букваря» Ивана Федорова среди других начальных учебников, там же.

случае Р. Якобсон не учитывает, что в московском говоре XVI в. в рассматриваемом окончании уже несомненно было твердое *т*. Формы 2-го лица единственного числа имеют обычно окончание -ши, причем как в парадигмах,¹ так и в текстах, например: *вѣдѣши* (стр. 9), *въразмѣлѣши, гал/гѣлѣши* (стр. 10), *жи/вѣши, зѣ/ждѣши* (стр. 11), *мѣлѣши* (стр. 13) и т. д. Наряду с этим однажды (в тексте) встретилось окончание -шь, свойственное не только живому русскому, но и другим живым славянским языкам: *кѣдѣшь* (стр. 71).

Большой интерес представляет форма будущего времени. В парадигмах представлены две формы будущего времени, причем те же самые, в том же порядке расположенные и так же образующиеся, как и у Псевдодамаскина. Так, в формах страдательного залога находим: *пемѣлкъ вывѣдоуше, вѣ/титѣ хотѣтъ. кѣдѣ/ши вѣти/ма ѿмѣтѣ* (стр. 19). Ср. в сербской редакции Псевдодамаскина: ... *къ пемѣлкъ вывѣдоуше вѣти кю, кѣдѣушаго жѣ вѣти ѿмѣтѣ*¹, в русской редакции: *къ пемѣлкъ вывѣдоушаго вѣти хотѣтъ, кѣдѣушаго жѣ вѣти ѿмѣтѣ*². Оба приведенных способа образования будущего времени свойственны были древним славянским языкам, в том числе и русскому; они были также характерны и для принятой на Руси формы церковнославянского языка. Но в текстах мы находим и новый способ образования будущего времени при помощи сочетания инфинитива с вспомогательным глаголом *кѣду*. Ср.: *ѿко сѣдѣти/ кѣдѣтъ гѣ крѣдѣу ѿдѣ* (стр. 69); *кѣдѣшь ѿгѣо нѣк/ти надѣждѣхъ кѣпосѣ/дѣи чѣтъ.* (стр. 71); *радѣватѣсѣ*

кѣдѣтъ стѣ/сѣю срѣце моѣ, ѿвѣсѣлѣ/тѣсѣ кѣдѣтъ лѣдѣи/ моѣ, кѣнѣдѣ прѣждѣ || кѣзѣгѣю сѣтѣ твоѣ (стр. 70—71). Интересно, что именно в этого рода образованиях встречается и принадлежащая живой речи уже упомянутая выше форма 2-го лица ед. числа вспомогательного глагола *вѣдѣши*. В послесловии Ивана Федорова мы встречаем еще сочетание

инфинитива *хотѣтъ: дѣ поѣнѣхъ ни/сѣнѣхъ кѣгоугоднѣхъ стѣ/кѣждѣ лѣнѣ потрѣдѣти/сѣ хотѣтъ.* (стр. 79). Но, возможно, что здесь глагол *хотѣтъ* выступает не в качестве вспомогательного при образовании будущего времени, а просто выражает намерение.

Форма будущего времени, образующаяся посредством сочетания с *кѣду*, не может быть отнесена к книжному церковнославянскому языку. О том, что в XV в. она не была характерна и для великорусского языка, свидетельствует хотя бы тот факт, что в духовных и договорных грамотах великих и удельных князей, изданных Л. В. Черепнинным, сочетание инфинитива с *кѣду* встречается лишь несколько раз (причем все случаи находим в одном и том же сочетании — *кѣдѣтъ держати*) в двух грамотах новосильских и одолевских князей великому князю Литовскому Казимиру (1442 и 1459 гг.), дошедших до нас лишь в западнорусской (белорусской) копии XVI в. (в составе Литовской метрики). В русском (великорусском) языке в XVI в. данная форма только еще начинает распространяться; тот факт, что она редко встречается и во второй половине XVI в., отмечает С. Д. Никифоров³. Как указывает А. П. Яковлева, основной формой сложного будущего времени в московских памятниках XVI в. является сочетание инфинитива с глаголом *учѣу*, (начѣу, печѣу), при наличии, однако, также форм с *имѣу* и *кѣду*⁴. К. Рёслер считает, что сочетание инфинитива с *кѣду*, засвидетельствованное в западнорусских, т. е. старобелорусских памятниках с конца XIV в.⁵, лишь с конца XVI в. проникает в русский (великорусский) язык⁶ и распространяется здесь лишь в XVII в.⁷

Таким образом, возникает возможность допущения, что формы, образованные при помощи *кѣду*, появляются в букваре Ивана Федорова под воздействием западнорусского (белорусского), а может быть и украинского языка, поскольку с середины XVI в. эта форма отражается и в украинских памятниках⁸. Однако, принимая во внимание, что русскому языку, по свидетельству памятников, такие формы во второй половине XVI в. также не были вполне чужды, и учитывая, что формы, вновь возникающие в живом языке, первоначально проникают в памятники в виде единичных приме-

¹ См. И. В. Ягич, Рассуждения... стр. 333.

² Там же, стр. 340.

³ См. С. Д. Никифоров, Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века, М., 1952, стр. 179.

⁴ См. А. П. Яковлева, К истории форм будущего времени в древнерусском языке. Автореф. канд. дисс., М., 1953, стр. 11.

⁵ В качестве древнейшего примера Рёслер, со ссылкой на работу Станга «Die altrussische Urkundensprache von Polozk», приводит *кѣдѣмъ держа ни грамоты Керикѣта 1388 г.* (См. К. Rösler, Beobachtungen und Gedanken über das analytische Futurum im slavischen, «Wiener slavistisches Jahrbuch», Bd. 11, 1952, стр. 134).

⁶ См. там же, стр. 131.

⁷ См. там же, стр. 145.

⁸ См. там же, стр. 144—145.

ров, нет необходимости прибегать к предположению об их проникновении извне, хотя бы и из близко родственных языков. Еще меньше оснований для предположения, с которым выступает К. Рёслер, утверждающий, что данная форма проникала в славянские языки под влиянием немецких сочетаний инфинитива с *werden*, причем сначала она появилась в чешском языке, затем в польском, белорусском, украинском и, наконец, в русском. Почва для возникновения аналитических форм будущего времени имела и в самих славянских языках, в том числе в русском. Широкое же распространение формы с *буду* не только в литературном языке, но и в говорах свидетельствует скорее о самостоятельном развитии этой формы в русском языке. В письменных памятниках она, конечно, могла быть поддержана (но лишь поддержана) влиянием, идущим из западных частей восточнославянской области, где эта форма развилась, по видимому, раньше.

В числе форм, отражающих явления живого языка, можно еще указать личное местоимение 1-го лица ед. числа *я* (ср. приведенную выше фразу из послесловия, начинающуюся этим местоимением-*я*, употребленным после присоединительного союза *а*), а также встречающееся иногда при обычном *-аго* окончание *-ого* в род. падеже единственного числа муж. и ср. рода местоименных прилагательных. Ср.: *подъ/кного оцаншго* (стр. 78), *шатнша късбшкш* (стр. 48), но: *свбрга*, *младншческаго* (стр. 78), *Вашкшваго* (стр. 51), *пйрваго/схбрга* (стр. 52), *Итершго схбрга* (стр. 54) и т. д.

Таковы наблюдения, которыми можно дополнить статью Р. Якобсона. Он указывает, что рассматриваемый букварь, как и другие подобные пособия, ставил своей целью выработку чистого и правильного церковнославянского языка. Сравнение парадигм и текстов свидетельствует, однако, о ряде различий в использовании системы церковнославянского языка, а также о том, что в формах букваря отражается как церковно-книжная традиция, притом частью восходящая к более раннему, выработавшемуся на русской почве церковнославянскому языку, так и струя, идущая из живого языка, хотя и представленная сравнительно небольшим количеством фактов.

П. С. Кузнецов

А. В. Десницкая. Вопросы изучения родства индоевропейских языков.—М.—Л., Изд-во АН СССР, 1955, 332 стр. (Ин-т языкознания АН СССР.)

В последнее десятилетие в языкознании значительно возрос интерес к проблемам индоевропейского языкознания, в частности к вопросу о родственных отношениях индоевропейских языков. Можно указать на целый ряд монографий и статей, авторами которых являются В. Георгиев, В. Лазани, Х. Крае, Х. Педерсен, О. Хейслер, А. Шерер¹ и др., где мы находим попытку по-новому осмыслить накопленный огромный фактический материал, особенно в связи с открытием, дешифровкой и толкованием многочисленных документов на «азиатических» индоевропейских языках (кавиописный и иероглифический хеттский, палайский, лувийский и др.). В центре внимания упомянутых исследователей опять оказывается вопрос, далеко не решенный и в наши дни, вызывавший столь ожесточенные споры во времена Шлейхера и Шмидта, Фика и Шрадера,—

¹ V. Georgiev, *Vorgriechische Sprachwissenschaft*, Sofia, I—II, 1941—1945; V. Pisanì, *La question de l'Indo-Hittite, et le concept de parenté linguistique*, «Archiv Orientalni», vol. XVII, para 2, 1949; e r o ж е, *Glottologia indoeuropea*, Torino, 1949; e r o ж е, *Introduzione alla linguistica indoeuropea*, Torino, 1948; H. Krahe, *Sprachverwandtschaft im alten Europa*, Heidelberg, 1951; e r o ж е, *Sprache und Vorzeit. Europäische Vorgeschichte nach dem Zeugnis der Sprache*, Heidelberg 1954; e r o ж е, *Indogermanische Sprachwissenschaft*, Berlin, 1948 (испанский перевод этой книги вышел в 1953 г.); H. Pedersen, *Hittitisch und die anderen indoeuropäischen Sprachen*, København, 1938; e r o ж е, *Lykisch und Hittitisch*, København, 1945; O. Höfler, *Stammbaumtheorie, Wellentheorie, Entfaltungstheorie*, «Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur», Bd. 77, Heft I, Tübingen, 1955; A. Scherer, *Worauf beruht die Verschiedenheit der indogermanischen Sprachen? Indogerm. Forschungen*, Bd. LXI, Heft 2—3, 1954.